

Беседы при ясной луне. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

Беседы при ясной луне. Василий Макарович Шукшин

Марья Селезнева работала в детсадике, но у нее нашли какие-то палочки и сказали, чтоб она переквалифицировалась.

- Куда я переквалифицируюсь-то? - горько спросила Марья. Ей до пенсии оставалось полтора года.-Легко сказать-переквалифицируйся... Что я, боров, что ли,- с боку на бок переваливаться? - Она поняла это "переквалифицируйся" как шутку, как "перевались на другой бок".

Ну, посмеялись над Марьей... И предложили ей сторожить сельмаг. Марья подумала и согласилась.

И стала она сторожить сельмаг.

И повадился к ней ночами ходить старик Баев. Баев всю свою жизнь проторчал в конторе - то в сельсовете, то в заготпушнине, то в колхозном правлении,- все кидал и кидал эти кругляшки на счетах, за целую жизнь, наверно, накидал их с большой дом. Незаметный был человечек, никогда не высовывался вперед, ни одной громкой глупости не выкинул, но и никакого умного колена тоже не загнул за целую жизнь. Так средним шажком отшагал шестьдесят три годочка, и был таков. Двух дочерей вырастил, сына, домок оборудовал крестовый... К концу-то огляделись - да он умница, этот Баев! Смотрика, прожил себе и не охнул, и все успел, и все ладно и хорошо. Баев и сам поверил, что он, пожалуй, и впрямь мужик с головой, и стал намекать в разговорах, что он - умница. Этих умниц, умников он всю жизнь не любил, никогда с ними не спорил, спокойно признавал их всяческое превосходство, но вот теперь и у него выиграло ретивое - теперь как-то это стало неопасно, и он запоздало, но упорно повел дело к тому, что он - редкого ума человек.

Последнее время Баева мучила бессонница, и он повадился ходить к сторожихе Марье - разговаривать.

Марья сидела ночью в парикмахерской, то есть днем это была парикмахерская, а ночью там сидела Марья: из окон весь сельмаг виден.

В избушке, где была парикмахерская, едко, застояло пахло одеколоном, было тепло и как-то очень уютно. И не страшно. Вся площадь между сельмагом и избушкой залита светом; а ночи стояли лунные. Ночи стояли дивные: луну точно на веревке спускали сверху - такая она была близкая, большая. Днем снежок уже подтаивал, а к ночи все стекленело.) и нестерпимо, поддельно как-то блестело в голубом распаханном свете.

В избушке лампочку не включали, только по стенам и потолку играли пятна света - топился камелек. И быстротечные эти светлые лики сплетались, расплетались, качались и трепетали.

И так хорошо было сидеть и беседовать в этом узорчатом качающемся мирке, так славно чувствовать, что жизнь за окнами - большая и ты тоже есть в ней. И придет завтра день, а ты и в нем тоже есть, и что-нибудь, может, хорошее возьмет да случится. Если умно жить, можно и на хорошее надеяться.

- Люди, они ведь как - сегодняшним днем живут,- рассуждал Баев.- А жизнь надо всю на прострел брать. Смета!..- Баев делал выразительное лицо, при этом верхняя губа его уползала куда-то к носу, а глаза узились щелками - так и казалось, что он сейчас скажет: "чево?" Смета! Какой же умный хозяин примется рубить дом, если заранее не прикинет, сколько у него есть чево. В учетном деле и называется смета. А то ведь как: вот размахнулся на крестовый дом - широко жить собрался, а умишка, глядишь,- на-пятистенок едва-едва, Просадит силенки до тридцати годов, нашумит, наорется, а дальше - пшик. Марья согласно кивала головой.

И правда, казалось, умница Баев, сидючи в конторах, не тратил силы, а копил их всю жизнь - такой он был теперь сытенький, кругленький, нацеленный еще на двадцать лет осмеченной жизни.

- Больно шустрые! Я как-то лежал в больнице... меня тогда Неверов отвез,

Беседы при ясной луне. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
председателем исполкома был в войну у нас, не помнишь?

- Нет. Их тут перебывало...

- Неверов, Василий Ильич. А тогда что, с молокопоставками не управились - ему хоть это... хоть живым в могилу зарывайся. Я один раз пришел к нему в кабинет, говорю: "Василий Ильич, хотите, научу, как с молокопоставками-то?" - "Ну-ка", - говорит. "У нас колхозники-то все вытаскали?" - "Вроде все, - говорит. - А что?" Я говорю: "Вы проверьте, проверьте - все вытаскали?"

- Ох, тада и таска-али! - вспомнила Марья.- Бывало, подоишь - и все отнесешь. Ребятишкам по кружке нальешь, остальное - на молоканку. Да ведь планы-то какие были... безобразные!

- Ты вот слушай! - оживился Баев при воспоминании о давнем своем изобретательном поступке.- "Все вытаскали-то? Или нет?" Он вызвал девку: "Принеси,- говорит,- сводки". Посмотрели: почти все, ерунда осталась. "Ну вот,- говорит,- почти все".- "Теперь так,- это я-то ему,- давайте рассуждать: госпоставки недостает столько-то, не помню сейчас сколько, Так? Колхозники свое почти все вытаскали... Где молоко брать?" Он мне: "Ты,- говорит,- мне мозги не... того, говори дело!" Матерщинник был несусветный. Я беру счеты в руки: давайте, мол, считать, Допустим, ты должна сдать на молоканку пятьсот литров.- Баев откинул воображаемых пять кружечек на воображаемых счетах, посмотрел терпеливо и снисходительно на Марью.- Так? Это из расчета, что процент жирности молока у твоей коровы такой-то.- Баев еще несколько кружечек воображаемых сбросил, чуть выше прежних.- Но вот выясняется, что у твоей коровы жирность не такая, какая тянула на пятьсот литров, а ниже, Понимаешь? Тогда тебе уж не пятьсот литров надо отнести, а пятьсот семьдесят пять, допустим. Сообразила?

Марья не сообразила пока.

- Вот и он тогда так же: хлопает на меня глазами: не пойму, мол. Снимайте, говорю, один процент жирности у всех - будет дополнительное молоко. А вы это молоко, с колхозников-то, как госпоставки пустите. Было бы молоко, в бумагах его как хошь можно провести. Ох, и обрадовался же он тогда. Проси, говорит, что хочешь! Я говорю: отвези меня в городскую больницу - полежать. Отвез.

Марья все никак не могла уразуметь, как это они тогда вышли из положения с госпоставками-то.

- Да господи! - воскликнул Баев.- Вот ты оттаскала свои пятьсот литров, потом тебе говорят: за тобой, гражданка Селезнева, еще семьдесят пять литров. Ты, конечно,- как это так? А какой-нибудь такой же, вроде меня, со счетиками: давайте считать вместе... Вышла, мол, ошибка с жирностью. Работник, мол, недоглядел... А я-в горбольнице. С сельской местности-то туда и сейчас не очень берут. А я вон когда попал!

- А чего?.. Заболел, што ли?

- Как тебе сказать... Нет. Недостаток-то у меня был: глаза-то и тогда уж... Почти слепой был. Из-за того и на войну не взяли. Но лег я не потому, а... как это выразиться... Охота было в горбольнице полежать. Помню, ишо молодой был, а все лумал: как же бы мне устроиться в горбольнице полежать? А тут случай-то и подвернулся. Да. Приехал я, мне, значит, коечку, чистенько все, простынки, тумбочка возле койки... В палате ишо пять гавриков лежат, у кого что: один с рукой, один с башкой забинтованной, один тракторист лежал - полспины выгорело, бензин где-то загорелся, он угодил туда. Та-ак. Ну, ладно, думаю, желание мое исполняется.

- Дак чего, просто вот полежать, и все? - никак не могла взять в толк Марья.

- Все. Ну-ка, как это тут, думаю, будут ухаживать за мной? Слышал, что уход там какой-то особенный. Ну, никакого такого ухода я там не обнаружил - больше интересуются: "Что болит? Где болит?" Сердце, говорю, болит - иди, доберись до него. Всего обстукали, обслушали, а толку никакого. Но я к чему про горбольницу-то: про людей мы заговорили... Пришел, значит, я в палату, лежат эти козлы... Я им по-хорошему: "Здравствуйте, мол, ребята!" И прилег с дороги-то соснуть малость: дорога-то дальняя, в телеге-то натрясло. Сосну, думаю, малость.

Беседы при ясной луне. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
Поспал, значит, мне эти козлы говорят: "Надо анализы собирать".- "Какие анализы?" - "Калу,- говорят,- девятьсот грамм и поту пузырек". Я удивился, конечно, но...

Тут Марью пробрал такой смех, что она досмеялась до слез. Баев тоже сперва хмыкнул, но потом строго ждал, когда она отсмеется.

- Ну и как? - спросила Марья, вытирая глаза концом полушалка.Собрал?

- Стали сперва собирать пот,- продолжал Баев, недовольный, что из рассказа вышла одна комедия: он вознамерился извлечь из него поучительный вывод.- Укрыли меня одеялами, два матраса навалили сверху, а пузырек велели под мышку зажать - туда, мол, пот будет капать. Ить вот рассудок-то у людей: хворают, называется! Ить подумали бы; идет такая страшная война, их, как механизаторов, на броне пока держут: тут надо прижухнуться и помалкивать, вроде тебя и на свете-то нету. Нет, они начинают выдумывать черт те чего. Думает он, лежит, что у него - жизнь предстоит, что надо ее как-то распланировать, подсчитать все наличные ресурсы, как говорится?.. Что ты! Он зубы свои оскалит и будет лучше ржать лежать, чем задумается.

Марья вспомнила про девятьсот граммов кала и опять захохотала. И понимала, что после таких серьезных слов Баева не надо бы смеяться, но не могла сдержаться.

- Дак, а как... с этим-то?.. Собрал, что ли? - Вытерла опять глаза.- Не могу ничего с собой сделать, ты уж прости меня, Николай Ферапонтыч, шибко смешно. Собрал девятьсот грамм-то?

- Вот то-то и оно - ничего сделать с собой не можем,- обиделся Баев,- живем безалаберно - ничего с собой сделать не можем; пьем-гуляем - ничего с собой сделать не можем; блуд совершаем - опять ничего с собой сделать не можем. У меня зять вон до развода дело довел, гад зубастый: тоже ничего с собой сделать не может. Кобели. Поганки.- Баев по-живому обозлился.- Взял бы кол хороший, пошел бы в клуб ихний - да колом бы, колом бы всех бы подряд. Ржать научились? Ногами дрыгать научились?.. Теперь подставляй башку, я тебя жизни обучать буду! Козлы.

Посидели молча. Марья даже вздохнула: у самой тоже была дочь, и у той тоже семейная жизнь не ладилась.

- А как вот им поможешь? - сказала она.- И рад бы душой - помочь, а как?

- Никак,- резко сказал Баев.- Пускай сами разбираются,

Опять замолчали.

Баев достал флакон с нюхательным табаком, пошумел ноздрями одной, другой,- поморгал подслеповатыми маленькими глазами и сладостно чихнул в платок.

- Помогает глазам-то? - спросила Марья, кивнув на пузырек с табаком.

- Не он бы, так давно бы уж ослеп. Им только и держусь.

- Где ж ты так глаза-то испортил? У вас, однако, в роду все зрячие были,

- Зрячие...- вздохнул Баев.- Все зрячие, да не все умные.- Баев спрятал пузырек в карман, помолчал задумчиво.- Что он, покойный родитель мой, делал со мной - это же ни пером описать, ни... как там говорится?.. Уму непостижимо, что он вытворял, чтоб я только в школу не ходил. А мне страсть как учиться хотелось. Тада же еще приходская школа-то была,,. Батюшка-то к родителю ходил: способный, мол, парнишка, пускай ходит. Ну! Родителю моему только... Грех поминать нехорошо, но и... тоже... Как я только не просил: в ногах у него валялся, ревмя ревел - отпустите в школу! Закинет пимы на полати, и все. Сиди за печью, гложи ногу овечью - вот весь сказ родительский, Эх-х!..- Баев еще помолчал горестно: - Дакя, когда все поснут, лучинку зажгу, бывало, в уголок на печке забьюсь да по складам читаю. Да по всей ноченьке так-то - вот уни, глаза-то, и сели.

- Дак, а чего уж он так?

- А спроси его! Не мужицкое дело, мол... Темен был, упрям. Всю жизнь я на него

Беседы при ясной луне. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru сердце держал. Помирал, помню: "Прости, Колька, учиться тебе препятствовал..." и вот знаю, как полагается говорить в таких случаях, а язык не поворачивается. "Ладно, - говорю, - чего теперь?" Вот как душа затвердела! А потому что - ехидно. Я же какой башковитый-то был! Бывало, стишок два раза прочитаю и тут же его отбарабаню без запинки.

- А понимал же потом-то - вишь, "прости" говорил.

- Да потом-то... Ко мне, бывало, придут: "Напиши, ради Христа, прошение",- или еще чего, ну, курочку несут или яиц десяток, а то шерсти... фунта два... Я сяду - мне плевое дело прошение-то составить: где заострил, где подсусолил, где на жалость упор сделаешь, а где намекнешь про другие инстанции... Тут целая наука тоже. Вот составишь. "На, хлопочи, ехай". Человек и радешенек. И того не заметил, что я за какой-нибудь час курицу заработал. А родитель-то видит, конечно, сопит - чует вину свою. Ну ты, думаю, а дал бы мне учиться-то, да я бы... Ладно. Рази бы тут курочками пахло! Ведь это я самоучкой уж достиг счетоводом-то, потом бухгалтером. А поучи-ка меня годов десять, как этих лоботрясов нынче, да я бы... не знаю... Эх-х! Ладно.- Баеву правда горько, у него даже глаза слезились, он утирал их согнутым указательным пальцем.- Чего теперь. Обидно, конечно... Ведь вот сейчас уж дело прошлое - ты подумай только, какие я дела пропускал через свои руки! Ведь меня ревизором в другие районы посылали! Еду, бывало, и думаю: знали бы они, что у меня всего-то полтора класса ЦПШ, как у нас шутил один: церковноприходской школы. Полторы зимы побегал всего-то, а вы меня - на других ревизором! Молчал уж...

- А ведь вот дал же бог такое стремление - учиться! - неподдельно уважительно заметила Марья.- Откуда бы такое стремление?

- Наблюдательность, - пояснил Баев.- Я вот, как себя помню, всегда был очень наблюдательный. Еще карапуз был, а, бывало, зайду по колено в воду - озерко за деревней было, помнишь? Раменское называлось, залезу и стою. По полдня торчал неподвижно - наблюдал, чево в воде происходит. Это уж от бога. Это уж не от людей. От родителя моего я мог только пинка получить заместо совета разумного.

- Надо же, - с уважением опять сказала Марья.- А мне вот - хоть бы что! Больше играть любила на улице. По целым дням, бывало, не загонялась!

- Я уж, грешным делом, думаю... - Баев даже оглянулся и заговорил тише.- Я уж думаю: не прислала ли меня мать-покойница с кем другим?

- Господь с тобой! - воскликнула Марья, но тоже негромко воскликнула и тоже чуть было не оглянулась.- Тетка Анисья-то! Да ты что, ферапонтыч... Господи! Да ты и похожий-то на отца. Только ты посытей да без бороды, а так-то... Да что ты, бог с тобой! Да с кем же она могла?

- Ну!.. - Баев полез опять за пузырьком.- А в кого я такой башковитый? Я вот думаю: мериканцы-то у нас тут тада рылись - искали чего-то в горах... Шут его знает! Они же... это... народишко верткий.

- Дак, а похож-то?

- Ну!.. Похож! Потрись с малых лет возле человека - будешь похож. Собака вон на хозяина и то становится похожая, а человек-то... Шут его знает! Может, и грех на душу беру. Но шибко уж у нас с им... противоположные взгляды. Вот чую сердцем: не крестьянского я замеса. Сроду меня не тянуло пахать или там сеять... ни к какой крестьянской работе. И к вину никогда не манило.- Баев не то что оголтело утверждал, что он не крестьянского рода, а скорей размышлял и сомневался.- Ведь если так-то подумать: куда же это все во мне подевалось? Должен же я стремиться землю иметь или там... буяннить на праздники. Нет! В огороде своем собственном копать не люблю! Вот в конторе посиживать-это по мне...

- Дак оно бы и все-то так посиживали - в тепле да на почете, вставила Марья.

- Садись! - воскликнул с сердцем Баев.- Чево ж ты тут заместо мужика торчишь ночами? Садись в контору и посиживай.

- Посиживай...

Беседы при ясной луне. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
- Во-от! Голову надо иметь? Вот я про голову и говорю. Откуда она у меня, у крестьянского выходца!

- Ну что же, уж из мужиков и людей больших не было? Вон в войну...

- В войну-у! - перебил Баев.- С наганами-то бегать да горло драть - это еще не самая великая мудрость. Мало у нас их было, горлопанов! Одного Ваню Кысу возьми... С малолетства на ножах ходил. Из тюрьмы не вылезал, сердешный. А тоже - храбрец из храбрцев считался...

- Ну сравнил!

- Ну а как же? Уж куда храбрее Кысы-то?.. Был ли кто?

- Кыса - разбойник. Разбойник, он разбойник и есть. Я про хороших мужиков говорю. Вон Иван Козлов... Был простой солдат, а стал командиром. Орденов сколько, фотокарточку тогда присылал, мы всей деревней смотреть бегали.

- Это... все так,- вздохнул Баев, Он не скрывал, что не ровня ему полуграмотная Марья - спорить, неглубоко берет баба своим рассудком. Конечно, командир, ордена... трень-брень, сапоги со скрипом... Это все воздействует. Но все же голову никакими орденами не заменишь. Или уж она есть, или... так - куда шапку надевают.

Так беседовали Баев с Марьей. Часов до трех, до четырех засиживались. Кое в чем не соглашались, случалось, горячились, но расставались мирно. Баев уходил через площадь - наискосок - домой, а Марья устраивалась на диван и спала до рассвета спокойно. А потом день, шумливый, суетный, бестолковый... И опять опускалась на землю ясная ночь, и охота было опять поговорить, подумать, повспоминать испытать некую тихую, едва уловимую радость бытия.

...Как-то досиделись они, Баев с Марьей, часов до трех тоже, Баев собрался уже уходить, закладывая в нос последнюю порцию душистого - с валерьяновыми каплями - табаку, и тут увидела Марья, как на крыльце сельмага всходит какой-то человек... Взшел, потрогал замок и огляделся. Марья так и приросла к стулу.

- Ферапонтыч,- выдохнула она с ужасом,- гляди-ка!

Баев всмотрелся, и у него тоже от страха лицо вытянулось.

Человек на крыльце потоптался, опять потрогал замок... Слышно звякнуло железо.

- Стреляй! - тихо крикнул Баев Марье.- Стреляй!.. Через окно прямо!

Марья не шевелилась. Смотрела в окно.

- Стреляй! - опять велел Баев.

- Да как я?! В живого человека... "Стреляй!" Как?! Ты что?

Человек на крыльце поглядел на окна избышки, сошел с крыльца и направился напрямиком к ним.

- Царица небесная, матушка,- зашептала Марья,- конец наступает. Прими, господи, душеньку мою грешную...

А Баев даже и шептать не мог, а только показывал пальцем на ружье и на окно - стреляй, дескать.

Шаги громко захрустели под окнами... Человек остановился, заглянул в окно. И тут Марья узнала его. Вскричала радостно:

- Да ведь Петька это! Петька Сибирцев!

- А чего это никого нет-то? - спросил Петька Сибирцев.

- Заходи, заходи! - помахала рукой Марья.- Вот гад-то подколодный! Я думала, у меня сейчас разрыв сердца будет. Вот черт-то полуношный! Он, наверно, с похмелья

Беседы при ясной луне. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru
день с ночью перепутал.

Вошел Петька.

- Счас что, ночь, что ли? - спросил он.

- Вот идиот-то! - опять ругнулась Марья.- А ты что, за четвертинкой в сельмаг? Петька с удивлением и горечью постигал, что теперь - ночь.

- Заспал...

Баев пришел наконец в движение, нюхнул раз-другой, не чихнул, а высморкался громко в платок.

- Да-а,- сказал он.- Пить, так уж пить - чтоб уж и время потерять: где день, где ночь.

Петька Сибирцев сел на скамеечку, потрогал голову.

- Ну надо же! - все изумлялась Марья.- А если б я стрельнула?

Петька поднял голову, посмотрел на Марью - то ли не понял, что она сказала, то ли не придал значения ее словам.

- У него голова болит,- с сердцем посочувствовал Баев.- Эх-х... Жители! - Баев стряхнул платком табачную пыль с губ, вытер глаза.- Мне счас внучка книжку читает: Александра Невский землю русскую защищал... Написано хорошо, но только я ни одному слову не верю там.

Марья и Петька посмотрели на старика.

- Не верю! - еще раз с силой сказал Баев.- Выдумал... и получил хорошие деньги.

- Как это? - не поняла Марья.

- Наврал, как! Не врут, что ли?

- Это же исторический факт,- сказал Петька.- Как это он мог наврать? Конечно, он, наверно, приукрасил, но это же было.

- Не было.

- Вот как! - Петька качнул больной головой.- Хм...

- С кем что он защищал-то ее? Вот с такими вот воинами, вроде тебя?

Петька опять посмотрел на старика... Но смолчал.

- Если уж счас с вами ничего сделать не могут - со всех концов вас воспитывают да развивают... борются всячески, - то где же тогда было набраться сознания?

Петька похлопал по карманам - поискал курево, но не обнаружил ни папирос, ни спичек.

- Пиши в газету,- посоветовал он.- Опровергай.

И встал и пошел вон из избышки.

Марья и Баев смотрели в окно, как шел Петька. Под ногами парня звонко хрустело льдистое стекло ночной замерзи, и некоторое время шаги его еще сухо шуршали, когда уж он свернул за угол, за сельмаг.

- У их, наверно, свадьба,- сказала Марья.- Сестра-то Петькина за этого вышла... за этого... Как его? Брат-то к агрономше приехал... Как его?

- Черт их теперь знает, И знать не хочу... Сброд всякий.- Баев почувствовал, что он весь вдруг ослаб, ноги особенно - как ватные сделались. Все же испугался он сильно,- Надо же так пить, чтобы день с ночью перепутать!

Беседы при ясной луне. Василий Макарович Шукшин shukshinvasiliy.ru

- Они, ночи-то, вон, какие светлые. Наверно, соскочил со сна-то видит, светло, и дунул в сельмаг.

- Это ж... он и солнце с луной спутал?

Марья засмеялась:

- Видно, гуляют крепко.

В животе у Баева затревожилось, он скоренько завинтил флакончик с табаком, спрятал его в карман, поднялся.

- Пойду. Спокойно тебе додежурить.

- Будь здоров, ферапонтыч. Приходи завтра, я завтра картошки принесу - напекем.

- Напекем, напекем,- сказал Баев. И поскорей вышел.

Марья видела, как и он тоже пересек площадь и удалился в улицу. Шел он, поторапливался, смотрел себе под ноги. И под его ногами тоже похрустывал ледок, но мягко - Баев был в валенках.

А такая была ясность кругом, такая была тишина и ясность, что как-то даже не по себе маленько, если всмотреться и вслушаться. Непокойно как-то. В груди что-то стукнет. И в ушах толчками пошумит кровь. И все, и больше ничего на земле не слышно. И висит на веревке луна.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://shukshinvasiliy.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!